

те меня, какъ выпутаться изъ сѣти соблазновъ, охватившихъ меня, помогите мнѣ, и я исполню; *но и безъ помощи я хочу и надѣюсь исполнить*“. Итакъ, вы и безъ помощи, т. е. *въ одиночку*, надѣетесь исполнить? Какъ же это, двумя-тремя страницами выше, стараніе усовершенствоваться въ одиночку вы называли невозможнымъ и глупымъ, смѣшнымъ и жалкимъ? Или не возможное для другихъ, возможно для васъ? И вы еще говорите: посмотрите на мою жизнь прежнюю!!! И неужели вы серьезно думаете, что есть какая-нибудь разница между прежнею и теперешнею вашей жизнью? Если и есть разница, то совсѣмъ не въ ту сторону, какъ вы, повидимому, думаете. По обстановкѣ, по крайней мѣрѣ, ваша жизнь стала роскошнѣй: въ 1862 году у васъ не было лакеевъ во фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ,—а въ 1899 году у васъ ихъ видѣлъ.

Вы скажете, быть можетъ, что это я къ вамъ присталъ и почти цѣлый годъ не могу оставить васъ въ покоѣ? Но я къ вамъ не обращался. Я послалъ брошюру, которая была выпущена въ свѣтъ и безъ меня дошла бы, вѣроятно, до васъ. Эта брошюра, надо думать, произвела на васъ впечатлѣніе, и вы должны были признать, что разобранная въ ней ваши легенды не важны и слабы. (Какъ будто при вашемъ авторитетѣ вы можете писать что-нибудь неважное и слабое?) Тогда вы сами обратились ко мнѣ, и не ко мнѣ собственно, а къ автору брошюры, „*кто бы онъ ни былъ*“—такъ значилось на конвертѣ вашего письма ко мнѣ, въ которомъ вы писали, что *общеніе со мною* вамъ будетъ очень дорого. И, признаюсь, я умиллся предъ такимъ вашимъ сознаніемъ, я повѣрилъ въ искренность вашего желанія быть въ общеніи со мною; а такъ какъ общеніе это могло заключаться лишь въ томъ, чтобы прійти намъ къ единомыслію, я и послалъ вамъ книгу Н. Э. Оедорова; но вы не сочли нужнымъ даже прочитать ее. Не могу не сказать вамъ, что всѣ ваши философско-религіозныя произведенія такъ же не важны и слабы, какъ и разобранная мною легенды. Такъ на примѣръ, что представляетъ ваша послѣдняя притча, прочитанная въ обществѣ любителей Россійской словесности, въ Москвѣ, на торжественномъ въ честь вашу засѣданіи (Россія № 935 отъ 7 декабря 1908 г. стр. 3-я). Изъ этой притчи оказывается, что люди раздѣляются на *добрыхъ* и *недобрыхъ*, при чемъ только послѣдніе—смѣлы и въ тоже время дерзки; недобрые люди не даютъ жить добрымъ и сами скверно живутъ, расхищая и уничтожая средства къ существованію.—Вопросъ,—зачѣмъ страдаютъ добрые и благоденствуютъ злые,—Гейне назвалъ проклятымъ (см. стр. 97 и 98 Философіи Общаго Дѣла), вы же, признавая, что и злые страдаютъ такъ же, какъ и добрые, и что только недобрые—смѣлы, тѣмъ не менѣе не задаетесь вопросомъ, почему смѣлые обращаютъ свою энергію только на злое, и заставляютъ такимъ образомъ страдать себя и другихъ. Вы только уговариваете добрыхъ, не противитесь злымъ, увѣряя ихъ, что если они не будутъ противиться злымъ, то и настанетъ на землѣ рай. Но не излишне ли это уговариваніе, такъ какъ добрые, по своей несмѣлости, и безъ того надо думать, ни въ чемъ не противятся злымъ, но рая до сихъ поръ на землѣ нѣтъ. Судя же по вашему—„Не могу молчать“,—нужно думать, что благодаря непротивленію добрыхъ, недобрые успѣли соорганизоваться и,